

В. П. Руднев

Ко мне подошел человек

I

Ко мне подошел человек. Как этот факт может стать философской проблемой? И почему мне хочется, чтобы он стал философской проблемой? Ну, положим, я хочу написать книгу об основаниях жизни, и поэтому мне все равно, с чего начать. Я мог бы начать с того, что каждый человек смертен. Но почему же я выбрал предложение «Ко мне подошел человек»? Наверное, я действительно хочу, чтобы он подошел и сказал что-то важное. Но это еще не философия. Это проблема моего одиночества или моего любопытства. Ведь я даже не знаю, скажет ли он мне что-то, попросит сигарету или попробует узнать, как пройти к вокзалу.

Но я психолог, и мне интересно понять, что это за человек, с которым, может быть, я никогда больше не встречу или, может быть, наоборот, он станет мне ближайшим другом. Это еще не философия. Где же начинается философия в случае, когда ко мне подошел человек? Философия — это нечто необычное, нечто трансцендентное обыденной жизни. Но ты именно хочешь изучать обыденную жизнь. Один человек подошел к другому. Что необычного в этом факте? Какую философию здесь можно вычленишь? Наверное, именно тот факт, что так философией обычно не занимаются.

Положим, он говорит мне: «Я хочу спросить, разделяете ли вы философию Хайдеггера или Витгенштейна». Тогда бы я ответил: «Нет, мне это совершенно не интересно». Моя философия состоит в том, чтобы изучить предложение «Ко мне подошел человек». Тогда он может сказать: «Но вот же я подошел — изучайте» Но я не знаю, с чего начать. Более того, я не понимаю, для чего это нужно. А он ответит: «Это

вы должны решить сами». Но ведь это он *первый* ко мне подошел.

Но ведь это неправда. Это все только написано на бумаге. Мне просто почему-то важно проанализировать это предложение, а на самом деле ко мне никто не подходил. Но это уже близко к философии. В каком смысле? В том, чтобы решить, подошел ли он на самом деле или это просто написано на бумаге. Допустим, он действительно подошел ко мне и попросил прикурить. А я ему говорю: «Нет, простите, Хайдеггер мне непонятен, а Витгенштейн скучен». Какова может быть его реакция? Он может сказать: «А, понятно!» Или он может сказать, что я сумасшедший. Я могу сказать на это: «Нет, я не более сумасшедший, чем все остальные, просто я философ. Я отвечаю на вопрос, который, как мне казалось, вы могли мне задать». В этом случае он может сказать: «Ну тогда другое дело». И добавить: «Хайдеггер, признаться, тоже скучноват».

Как можно так откровенно разговаривать с незнакомыми людьми?

Но он может сказать, что просто хотел спросить дорогу на вокзал. И в этом случае имею ли я право ответить цитатой: «У меня ты хочешь узнать дорогу? Не надейся!»

Откуда мне знать, что за человека я встретил.

<...>

Трудно с этим не согласиться.

II

И все же проблема не в том, что ему нужно от меня, а в самой феноменологии того, что ко мне подошел человек. Он ведь мог и не подойти. Можно ли сказать, что в этом случае мое исследование не состоялось бы? Но он уже подошел, и от этого факта уже не отказаться. Это безусловное начало философского исследования, каким бы вымученным оно поначалу ни показалось. Ни ему, ни мне обратной дороги нет. Встреча произошла. И дальше можно пойти разными путями. Мы можем просто поговорить и пойти каждый своей дорогой. Но этого не происходит, потому что это феноменология подхода, а не ухода. Здесь в каком-то смысле термодинамическое время останавливается и включается психодинамическое

кое время, время диалога (возможно, с закрытыми глазами), нечто наподобие того, что произошло с Арджуной и Кришной.

Но это не философия встречи. Это феноменология приближения. Никакой встречи пока не произошло. Вернее, она могла бы произойти, если бы в этом состояла суть дела. Но она состоит не в этом. В чем же? В особой модальности. В становлении из пространства там пространства здесь. Ведь особенностью пространства здесь является тот факт, что объект не обязательно находится здесь. Это лишь возможность. Но где же он может находиться, если он подошел сюда? А если его образ лишь запечатлен на листе бумаги, то стоит ли вообще говорить о там и здесь?

Но допустим, он действительно подошел ко мне. Что из этого следует? Что я могу сказать о нем и что он может сказать обо мне? Обрати внимание на глагол «сказать». Если бы ко мне подошло животное, оно ничего не могло бы мне сказать. Но ко мне подошел человек. Его речь может быть пустой, но может быть и полной. И дело не в разговорах о Хайдеггере и Кафке. И не в том, могут ли понять друг друга два незнакомых человека. Как бы это сказать, дело обстоит в том, проблема состоит в том, как это вообще может быть, что два одушевленных тела встретились (возможно, встретились) в одной точке пространства и что им теперь делать. Они могут говорить, потому что они умеют говорить. Было бы гораздо менее естественно, если бы они стояли и молчали.

Но почему мне так важно, что он подошел ко мне? Вероятно, в этом таится какая-то надежда на неожиданность и перебой в жизни. Все-таки это скорее Кафка, а никакой не Хайдеггер. Он мог бы сказать, например: «Хотите я вас сделаю счастливым?» Дело не в том, что маловероятно, что встретились два философа. Дело в другом. Что я могу сказать ему в ответ. Хотите я определю ваш характер? А зачем это мне? Я вам предлагаю счастье, а вы мне характер, который я и сам, возможно, знаю. Это неэквивалентный обмен. Что вы можете предложить еще?

Здесь могла впервые возникнуть неловкая пауза. Не то чтобы я подумал (не сказал, а подумал): «Я вас совсем не знаю». Я ведь его уже успел узнать, насколько можно узнать человека за несколько минут. Так вот неловкая пауза. Чем

она могла бы быть вызвана? Ведь он сам подошел ко мне, как говорится, «он первый начал». Нет, это неверно, это я притянул его к себе. Это я создал (возможно, вымученную) философскую проблему того, что происходит, когда «ко мне подошел человек». Что же тут неловкого?

Почему не то чтобы неверно, но неточно и стыдно или примитивно, я имею в виду. Почему мне не сказать, что ко мне подошел Другой или Тело без органов или что-нибудь в таком роде? Да нет же, я ведь хотел исследовать ситуацию «ко мне подошел человек», возможно, тот самый, не тело без органов, не шизофреник, а самый обыкновенный человек, может быть, совершенно средних способностей и обычных наклонностей. Я просто выбрал из огромного числа обыденных фактов один факт и пытаюсь понять, что при совершении этого факта происходит или могло бы произойти.

С таким же успехом я мог бы сказать «трамвай подошел к остановке», или «он нежно поцеловал ее», или «я умираю». Но это и не верно было, что с таким же успехом я мог бы выбрать любую фразу естественной речевой деятельности. Если из всех я выбрал именно эту, то возникает вопрос, почему именно эту? Почему?

Ну что же. Диоген ходил по городу при солнечном свете со свечильником и говорил: «Я ищу человека». Но он целенаправленно искал Человека, Человека с большой буквы. И именно поэтому к нему, возможно, никто не подошел, а ко мне подошел. Почему ко мне и почему именно он из миллионов людей? И разве не важно, кто этот человек, как его имя, профессия, сколько ему лет? И кажется, что это совершенно не важно. Пойми, это не художественная проза, а философское исследование. Поэтому не может быть никаких имен и профессий, может быть лишь гипотетическое рассуждение. Это самое трудное. Очевидно так, но все-таки, почему мне так важна эта ситуация «ко мне подошел человек»?

От любого человека может исходить как тепло или опасность, так и безразличие. Может быть, мне просто показалось, что он подошел ко мне, может быть, он обознался, или просто шел мимо, и я для него не имел никакого значения. Просто прохожий, у которого можно просит папиросу. Но все равно и этот случай тоже важен и актуален. Гораздо

более актуален, чем то, как его зовут и какая у него профессия. Феноменология подхождения, а не встречи, хотя неожиданная встреча была бы тоже возможна.

В сущности «ко мне подошел человек» — это ожидание чуда.

Он преградил путь собой не только моему одиночеству, но и моему страху, тревоге, нерешительности. Даже если бы ему не сказал, что всю жизнь ждал, что он подойдет, и даже если бы он в ответ молча не пожал бы мне руку, все равно это было бы чудом.

А *может* быть чудом содержание фразы «трамвай подошел к остановке»? Конечно, может.

И важно ли, как я стоял в тот момент, когда он подошел ко мне? Размышлял ли я о чем-нибудь? То есть это, конечно, было бы важно, но при других обстоятельствах в другой истории. Я просто стоял, и он просто подошел. И все. И больше ничего не было в тот момент. Но так не может быть. Ведь на нем и на мне была какая-то одежда, и было какое-то время дня и года. Или это тоже не важно? Не знаю.

Зачем люди подходят друг к другу? Он что, захотел со мной познакомиться? С какой стати? Тебе бы хотелось, конечно думать, что он узнал тебя в толпе и подошел именно к тебе, что именно ты ему оказался нужен. Но ведь я исследую факт не того, что он подошел *ко мне*, а что *он* подошел ко мне. Не важно, почему ко мне, важно, что подошел. Почему он подошел? Мне кажется, что он просто не мог не подойти, потому что прочитал на моем лице его ожидание. Он мог бы быть просто пьяным мужиком, это не важно, он мог бы подойти шатаясь и сказать пьяным голосом: «Брат, не горюй!», и это все равно было бы чудо. Но что бы я мог сказать ему в ответ? Просто сказать «спасибо», пригласить его к себе домой, ничего не ответить и отвернуться? Нет, все это, конечно, важно и значимо, но тогда то была бы уже не феноменология подхода.

В сущности, эта фраза «ко мне подошел человек» проигрывалась у меня в уме тысячу раз. Это были тысячи людей. Самых разных людей с самыми разными намерениями, молодых и старых, интеллигентных и простых.

И, конечно, среди них были и женщины. Но это уже точно совершенно другая история.

Но, скорее всего, это был мужчина.

Версия «он подошел ко мне» интересна следующим моментом. Я бы мог стоять и загадывать на разных людей. Вот этот подойдет ко мне или нет. Так я мог бы простоять целый час, и никто ко мне не подходил бы я бы, никого не притягивал.

О чем я думал в тот момент, когда он подошел? Я мог думать, например, что такое реальность и зачем она вообще нужна, если можно ограничить себя размышлением, но ведь без реальности нет размышления. О чем можно размышлять? О своем горе, о вкусном обеде, о ненаписанной статье. Но все это так или иначе — размышления о реальности. И мысль о том, что вымысел — это тоже часть реальности, если и недостаточно проработана, то она сама тоже является частью реальности.

Зачем ко мне подошел этот человек? Вернее, зачем он ко мне мог подойти? Может быть, если и не объяснить мне, что такое реальность, то хотя бы натолкнуть на какое-то объяснение. Например, что эта любая реальность есть вымысел или галлюцинация? Но этот человек явно не мог быть галлюцинацией. Потому что если я сумасшедший и вся моя проблема в том, что я сумасшедший, то я не сомневался бы что не галлюцинация, а скорее мог бы подумать, что это преследователь или, наоборот, божество, посланное мне свыше (опять-таки проблема Арджуны и Кришны).

Представь себе, что он действительно подошел. Зачем он подошел, неизвестно. Проблема состоит, повторяю, не в том, чтобы понять, зачем он подошел. В этом случае можно было бы его просто спросить, зачем он подошел и что ему нужно. Нет, он просто подошел, и нужно понять, что это такое в философском смысле — просто подошел человек.

Но ведь он подошел *ко мне*, и это значит уже *не просто* и значит беспредметными разговорами о реальности и галлюцинации не отделаешься.

Представь себе, что этот человек подошел просто прикурить сигарету. Представь себе, что он вынул из кармана пистолет и потребовал у меня денег. Представь себе, что это твой бывший школьный товарищ, который через сорок лет случайно узнал тебя. Что дают эти предположения?

Если бы я занимался феноменологией самого этого человека, эти вопросы были бы нужны, но я занимаюсь просто

тем, что ко мне подошел человек. Почему он подошел ко мне и хотел ли я, чтобы он подошел? Я, безусловно, хотел, чтобы он подошел, и я хотел, чтобы эта встреча была бы чрезвычайно значимой как для меня, так и для него, хотя вероятность такой встречи, конечно, близка к нулю. Потому что ко мне подошел *незнакомый* человек. Но что значит *незнакомый*?

Ведь на самом деле я не стою на улице, когда действительно понятно, что это значит. Но я просто сижу за компьютером и пытаюсь философствовать. Я пытаюсь философствовать как-то по-новому. *На самом деле ко мне никто не подошел и не подходит.*

Вот я представляю, только представляю, что я стою на улице и ко мне подходит человек. Что я хочу этим сказать? Почему для меня это так важно? И действительно ли это так важно для меня? Я просто хочу показать, что в каждой фразе языка содержится чрезвычайно трудная, может быть, неразрешимая экзистенциальная проблема.

Но почему я выбрал именно эту фразу?

Вместо того, чтобы размышлять о незнакомом человеке, который подошел ко мне на улице, я бы мог позвонить знакомому и попроситься к нему в гости, это не было бы (хотя могло бы и быть) философской проблемой, но это был бы какой-то выход из одиночества. Дело, стало быть, не в моем одиночестве. Во всяком случае, не в экзистенциальном одиночестве. Это другое одиночество. Это одиночество мысли.

Мог ли бы этот человек разделить или развеять одиночество моей мысли? Наверное, я хотел бы показать в своих размышлениях, если это вообще можно назвать размышлениями, что уже одно то, что я задумался над такой странной и в то же время обыденной проблемой — миллионы людей на земле подходят друг к другу — означает, что это важно для меня.

Итак, он подошел, и с этим уже ничего не поделать. Придется с ним разбираться до конца.

Я бы мог крикнуть: «Нет, не подходи, мне страшно!»

Но чего же мне страшно? Мне страшно оттого, что это для меня так важно. Мне страшно, что я не справлюсь с этой проблемой. Я не знаю почему, но отпихнуть этого человека, не разобравшись с ним до конца, уже невозможно.

По-видимому, это не тот страх. Когда страшно кого-то не встретить. Это страх, когда страшно, что что-то не получится, не выйдет. Например. Не выйдет написать следующую страницу. Или даже прочитать. Это страх времени, загубленного даром.

Но я не знаю даже помимо этого страха, рад ли я тому, что ко мне подошел человек, нарушив мое уединение. Традиционное уединение на пустой улице или не менее традиционное — в толпе. В зале, полном народу, светской черни, так сказать. «Как часто пестрою толпою окружен» или, скорее, «Когда в толпе ты встретишь человека»...

Что такое вообще этот человек, откуда он взялся, почему ко мне прицепилась эта идея?

III

Здесь все же необходимо было бы принять идею, что подобного рода философствование — нечто вроде философского безумия. Но именно поэтому оно может быть истинным и продуктивным.

Я не хочу сказать, к примеру, что если философ озабочен идеей, что к нему подошел человек, и повторяет ее много раз подряд, то он обязательно обсессивно-компульсивная личность. Эта фраза просто повторяется риторически. Она, конечно, навязывается им самому себе, но все же в ней есть некоторая обыденная экзистенциальность. С такой фразы хорошо начать обычный реалистический рассказ: «Ко мне подошел человек». Дальше идет обычное повествование. Но если рассказ этим и заканчивается, то это уже безумие. «Ко мне подошел человек». Точка. Все.

Дальше было бы уместно поразмышлять над реакцией различных людей, с различными типами неврозов и психозов, как бы они прореагировали на идею «ко мне подошел человек». Это было бы слишком просто. Все же: истеричка бы могла воскликнуть: «Да, я всегда ждала его, как он прекрасен!» Комппульсивный заметил бы досконально внешность подходящего человека, мельчайшие детали его одежды, отметил бы время, в которое к нему подошел человек, и т. д. Депрессивный мог вообще не заметить, что к нему пошел человек, во всяком случае, его это не заинтересовало бы.

Параноик ревности, конечно, подумал бы, что этот человек именно тот, с которым все время изменяет ему его жена, а шизофреник решил бы, что этот человек хочет его убить или что это мертвый отец.

И надо сказать, что все это ничего равным счетом не дает в рассматриваемом мной случае. Это лишь отвлекает от основной идеи «человек, который подходит ко мне». Здесь нужно было бы другого типа безумие — почти невербализуемое безумие Кафки. «Ко мне подошел человек, но я не понял этого. Тем не менее он протянул мне руку для рукопожатия, но рука его оказалась сжатой в кулак. Я спросил его, что это значит. Но он ничего не ответил».

Абсурд подобного рода заостряет внимание на самой невозможности коммуникации между подходящим человеком и тем, к кому он подходит, и вообще на невозможности коммуникации. Что может человек сказать другому человеку? Ничего. Мы ничего не можем сказать друг другу такого, что в подлинном смысле имело бы значение. И это не потому, что мы все безумцы. Это потому, что мы слишком нормальны. Вот ко мне нормальному подошел нормальный человек. Чего мне ждать от этого? Да ничего. Мы никогда не поймем друг друга, хотя формально можем говорить на одном и том же языке. Но мы заняты настолько чуждыми друг другу идеями, что даже если у нас возникнет желание понять друг друга, то оно разобьется о чуждость и нелепость для другого этих идей.

Говорят, что депрессивные люди тянутся к смыслу, который для них утрачен. Но неужели же человек, даже пусть он трижды меланхолик, может быть так наивен, что будет склонен думать, что одна встреча может полностью перевернуть его мир?

Возможно, было бы верным заметить, что людям лишь кажется, что они нормальные, и они ведут себя так, как должны вести себя нормальные люди. На самом же деле все люди сумасшедшие. И иначе даже и не могло бы быть. Откуда бы в нашем мире взялась норма? Вот человек стоит в метро и ждет девушку. Вот она подходит к нему. И они, счастливые, куда-то уходят вдаль. Но ведь они час тому назад, возможно, друг другу изменяли или говорили другим людям друг о друге Бог знает какие гадости. И вот они-то

нормальные! По мне было бы гораздо правильнее сказать, что в определенном смысле нормальнее параноик, который эту девушку обвинял бы и попрекал в ежеминутных изменах. Но так ведь оно и есть: она «в сердце своем» изменяет ему почти каждый миг с первым встречным. Нормальность — лишь хорошо приспособившееся к жизни безумие.

Вот и я зачем-то размышляю. О том, что ко мне подошел человек. Это скорее безумно — так много уделять времени одному предложению. Но именно в этом безумии и есть высшая норма. Можно было бы даже сказать, Божественная норма. Наивно думать, что я слишком много уже сказал и напридумывал об этой ситуации: что ко мне подошел человек. Если бы я действительно мог продумать все варианты ситуаций, связанные с этой фразой, я бы точно сошел с ума.

Представьте себе *всех* людей на земле: и вот один человек, только один из них подошел к тебе. Ты даже не знаешь, кто это — мужчина или женщина, только сексистский характер нашего языка предполагает думать, что это был (был?) мужчина. Бритый наголо, с бородой и роскошной шевелюрой, с шаркающей кавалерийской походкой, высокий и худой, низенький или толстый, с тросточкой и в очках. Каким же он был на самом деле этот человек, который подошел ко мне?

Он был никаким. Это был *просто* человек.

Когда Понтий Пилат сказал, глядя на Иисуса: «Се человек!», он не думал о том, как тот выглядит. Но он думал о том *внутреннем* облике, который явил перед ним Иисус, которого к нему подвели. Возможно, когда это случилось, Пилат подумал: «Ко мне подошел человек». А потом он подумал «Да это действительно человек».

Человек подходит к нам незаметно. Он и не думает создавать никаких философских проблем. Это не в нем кроются проблемы, а в нас самих. Вообще говоря, к нам может никто не подходить, а проблемы все равно останутся. Это мы только так говорим, что «ко мне подошел человек», чтобы все было нагляднее. А на самом деле, может быть, никакой человек и не подходил. Как один я стоял на платформе, на улице, в подъезде, так и стою. И это все лишь мои фантазии.

Ко мне подошел человек и сказал: «Пойдем со мной». Что может быть глупее!

Но вот я стою совершенно один в еще более глупом положении. Я думаю о том как он подходит ко мне и что мне, в сущности, с этим делать совершенно нечего. Мне нечего ему сказать.

Если мы думаем, что нам есть что сказать друг другу, то это не просто заблуждение, но это самое фундаментальное заблуждение на свете. Вернее, мы могли бы осознать это как заблуждение, если бы вообще могли мыслить хоть сколько-нибудь критически. Но мы на это не способны.

Это как псевдомысли и псевдопредложения. «Пойдем со мной в кино.» «Давайте поужинаем вместе». Подразумевается, что на самом деле он думает, что хочет с ней переспать. Но это ведь не так: он действительно хочет поужинать. Если бы он, нормальный человек, хотел с ней заниматься любовью, он так и сказал. Думать в такую минуту об ужине и тем более говорить об этом — вот в чем было бы проявление фундаментального безумия обыденной жизни.

А если бы он не подошел ко мне, этот человек? Что если бы он просто взял и не подошел? Что бы я тогда делал? Нет, так не годится. Если бы ко мне не подошел *этот* человек, то ко мне подошел бы другой. А если бы я стоял в заснеженном поле, в ста верстах от ближайшего жилья и все-таки ждал, что он пойдёт ко мне?

Тогда к а к бы было: что-то подсказывало бы мне: «Не жди ты его!» или наоборот с утроенным упорством я бы его ждал?

Или в огромном городе в часы пик, облепленный толпой, когда вообще никто не может ни к кому подойти. Но он бы поднял руку вверх — так можно было бы предположить — он поднял бы руку высоко вверх и крикнул бы: «Эй!» И было бы ясно, что он этот крик адресует мне и что он обязательно подошел бы ко мне, если бы смог. Но в этот момент толпа поглотила его навсегда, и я даже не успел увидеть его лица.

Итак, ко мне подошел человек.

Человеческая дистанция: три наброска

Набросок первый. Свобода и привязанность

1. Начинается с наблюдений о стилях отвязывания (значит, и стилях привязанности). На эту тему — тему, акцентирующую развитие и модификацию персональной манеры/модели привязанности, как восходящей к неким младенческим началам общения, — терминологически нацелены статьи по «теории привязанности» (Дж. Боулби¹). Поскольку в русском языке *привязанность* есть некое наличное качество или чувство, то здесь у нас (имплицитно, в образном представлении) компонента действия, равно как и модальная компонента, оказывается ограниченной, усеченной. В этом плане «теория привязанности» открывает неожиданные просторы, высвобождает смыслы. Прогулка (например) — это еще и особая практика привязывания и отвязывания. Только зная, что объект привязанности заведомо неподалеку, ребенок пускается в «вольное плавание», в исследование и блуждание. По-видимому, внимание работает при этом в особом режиме, не в режиме оглядки (дозора за опекающим); оно фокусируется на объекте исследования (прилипают к нему), а дозорная компонента присутствует как бы приглушенно. Собственно говоря, феномен привязанности позволяет глубже подойти к самой природе внимания. Становится заметной принципиальная многоплановость внимания: его поли-морфность, поли-функциональность и поли-онтичность. Мы не отнесены нашим присутствием к одной-единственной реальности. Между прочим, опора в виде взрослого все-таки даже в детстве сопряжена с другими опорами (сад, берег, гора и т. п.). А постепенно и стадияльно совсем иное становится опорным. Не говоря уже о том, что ведь и я оказываюсь объектом привязанности: меня призывают в качестве той самой опоры. Но почему той самой? И откуда это неопределенно-множественное «призывают»? Тезис «мы существуем в пространстве привязанностей» (фундаментальный для теории Боулби) наталкивается здесь на прин-

¹ Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.